

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.112.2

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ В РОМАНЕ К. ХАЙНА «ЗАХВАТ ЗЕМЛИ»

канд. филол. наук, доц., Т.М. ГОРДЕЁНОК, Е.В. КУЗНЕЧИК
(Полоцкий государственный университет)
t.hardziayonak@psu.by

Исследуется своеобразие исторической прозы К. Хайна на примере романа «Захват земли» (*Landnahme*, 2004). Основной идейно-художественный конфликт – изображение вынужденной миграции как исторического, национального и межкультурного явления, рассматриваемого в контексте трех эпохальных событий немецкой истории после 1945 года. Осмысление положения беженцев в рамках оппозиции «свой» – «чужой» позволяет К. Хайну поднять сложные общечеловеческие вопросы, обнаруживая связи между прошлым и настоящим. Роман создан в реалистической манере. Повествовательная рама объединяет пять рассказов, обеспечивая эффект достоверности и имеет символическое значение. Повторяющиеся мотивы, образы и художественные приемы дают возможность писателю расширить пространство романа на композиционном и идейном уровне.

Ключевые слова: немецкая литература после 1945 года, история Германии, вынужденная миграция, оппозиция «свой» – «чужой», интеграция.

Введение. Как известно, все события, протекающие в политической и социально-экономической жизни общества, находят свое отражение в первую очередь в литературе. Двадцатый век стал для немецкой литературы веком ее интенсивной политизации. Судьбу Германии и немецкой словесности в прошедшем столетии определяли различные драматические события: Первая мировая война, годы фашистской диктатуры, раскол страны сначала на четыре оккупационные зоны, а затем на два государства – ФРГ и ГДР, социально-экономические падения и взлеты. В таких условиях писатели часто вовлекались в борьбу различных партий, групп, идеологий. Но даже если они пытались остаться в стороне от этой борьбы, жизнь насильственно втягивала их в свой круговорот.

Немецкая история знает события (например, Тридцатилетняя война, Французская буржуазная революция, мировые войны), которые обострили миграционные процессы и стали причиной создания многих произведений на эту тему. В их числе следует назвать «Разговоры немецких беженцев» И.В. Гёте и его драму «Герман и Доротея», повесть А. фон Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемиля», сатирическую поэму Г. Гейне «Германия. Зимняя сказка». Во времена национал-социализма проблемы мигрантов не просто получили освещение в творчестве целого ряда писателей¹, а стали определять лицо немецкой литературы, где в этот период выделилась так называемая литература в изгнании (*Exilliteratur*) и литература «внутренней эмиграции» (*Literatur der inneren Emigration*). После окончания Второй мировой войны тема миграции не утратила своей актуальности. Свое отношение к этому вопросу в разное время выразили лауреаты Нобелевской премии Г. Грасс («Траектория краба», 2002), Г. Мюллер («Качели дыхания», 2009), Э. Елинек («Подопечные», 2013). О жизни эмигрантов писали немецкие авторы, которые сами покинули родную страну: В. Бауэр («Чужой в Торонто», 1963), В.Г. Зебальд («Эмигранты», 1992).

Послевоенное разделение Германии обусловило появление в немецкой литературе нового типа героя – человека, который в процессе поиска своего собственного «Я» оказывается на границе двух миров, «между двумя государствами»². Вокруг этой темы вращаются события в романе А. Андерша «Занзибар, или Последняя причина» (1957), представляющего литературу ФРГ. Проблема расколотого сознания раскрывается и в прозе писателей ГДР – У. Йонзона («Догадки о Якобе», 1959; «Две точки зрения», 1965), К. Вольф («Расколотое небо», 1963). Миграция как политическое и социальное явление раскрывается также в поэзии В. Бирмана, драматургии Х. Мюллера («Переселенка, или Крестьянская жизнь», 1961) и Ф. Брауна («Транзит Европа», 1988). К числу тех, кто так или иначе затрагивал тему судьбы мигрантов в своих произведениях, относится и Кристоф Хайн (*Christoph Hein*, р. 1944), писатель, чья литературная карьера началась в ГДР и продолжается в объединенной Германии.

¹ В этой связи можно выделить К. Манна («Вулкан», 1939), Л. Фейхтвангера («Изгнание», 1939), Б. Брехта («Разговоры беженцев», 1941), А. Зегерс («Транзит», 1941–1947).

² В своей статье В. Шмитц пишет об опыте изгнанничества, нашедшем место в немецкой истории после 1945 г. и отразившегося в литературе Германии, прежде всего, в литературе ГДР. Этот феномен он называет «литературой "между двумя государствами"» (*Literatur "zwischen den Staaten"*) [1].

Основная часть. К. Хайн – это человек, который принадлежит своему времени и активно переживает его в себе. Он сосредоточенно следит за развитием страны, за что вполне обоснованно обретает славу писателя-хроникера. Хайн внимательно изучает документальные факты, но вместе с тем писатель оставляет за собой право выражать свою личную позицию по отношению к происходящему. Он пишет: «Я – хроникер, без сомнения, очень субъективный, несомненно, со своим собственным мировоззрением, но, по сути дела, я сообщаю только кое-что о себе, о моем отношении к миру, даю очень субъективный отчет» [2, S. 18]. Будучи писателем-хроникером, затрагивающим наиболее болезненные социальные вопросы, Хайн придает особое значение историческим событиям, определяющим лицо современного ему общества. В эссе «Время, которое не может пройти, или дилемма хроникера» (*Die Zeit, die nicht vergehen kann oder Das Dilemma des Chronisten*) он отмечает: «История – это неизменяемая, надежная и уже фактически гарантированная часть нашего настоящего, но именно ввиду этой неизменности, ввиду невозможности любого последующего исправления – самая тревожная и пугающая часть нашего настоящего. <...> Мы должны жить с прошлым, оно принадлежит к нашей жизни, к нашему настоящему, а также к нашему будущему. На то, что это не пустая максима, не бесполезный заезженный куплет, нам указывает настоящее» [3, S. 15]. Возможно, по этой причине Хайн так скрупулезно рассматривает и анализирует каждую историческую деталь в своих произведениях, используя не только исторические факты, но и факты собственной биографии. Свою задачу он видит в том, чтобы будоражить память людей, не дать забыть ошибки прошлого, потому что «в споре друг с другом находятся гордость и память, а не какие-либо исторические школы» [3, S. 17].

Говоря о творческой манере Хайна, Д. Гвостк отмечает, что тот «относится к категории тех немецкоязычных писателей, которых принято называть неудобными, потому что они не довольствуются лишь снабжением читателя литературными текстами, а скорее рассматривают себя как нравственную инстанцию или как сейсмограф общества» [4, S. 13]. Действительно, в своих произведениях Хайн говорит, например, о подавлении свобод и сращении органов управления со спецслужбами («Смерть Хорна», «Акомпаниатор»), о жизни «осси»³ и «весси»⁴ в новой немецкой реальности («Вилленброк»), о терроризме («Сад в его раннем детстве»), о вопросах образования в современной Германии («Наследие Вайскерна»). Непредвзятый взгляд ангажированного писателя позволяет Хайну выявлять, а иногда и предвидеть наиболее злободневные социально-политические темы. Еще в 2004 г. автор обратился в своем творчестве к осмыслению проблемы вынужденной миграции в ретроспективе исторических событий. Этот вопрос, ставший на сегодняшний день наиболее острым и животрепещущим для немецкого общества и Европы в целом, Хайн поднял в романе «Захват земли» (*Landnahme*). В интервью журналу «Шпигель» автор рассуждает об основной художественной идее произведения и его главном герое: «Ребенком-беженцем он прибывает в ту Германию, где ни у кого нет недостатка и где отвергают таких людей, как он, – людей, у которых нет вообще ничего. Сегодня, через 50 лет после войны, эта ситуация несколько не изменилась: несмотря на то, что все мы намного богаче, чем в 1945 году, мы отвергаем приезжающих людей» [5].

В своем романе автор на примере трех поколений семьи немецких переселенцев затрагивает проблему миграции в разных ее аспектах. Это, во-первых, миграция этнических немцев из Силезии и Померании, которая произошла вследствие передачи данных территорий Польше после окончания Второй мировой войны. Поиски новой родины, мучительные попытки закрепиться в новой реальности и заработать кусок хлеба олицетворяет собой отец семейства, который после возвращения из русского плена должен перебраться из Бреслау в провинциальный саксонский городок Бад Гульденберг (*Bad Guldenberg*). Вынужденная миграция заставляет его сына Бернхарда Хабера⁵ (*Bernhard Haber*) с раннего возраста познать враждебность местного населения, ощутить свою инаковость и всю жизнь отстаивать право называться «своим». Сын мигранта, он обретает место под солнцем благодаря деньгам, которые сколотил, занимаясь нелегальным перевозом людей в Западный Берлин. Бегство населения из Восточной Германии в ФРГ послужило причиной второй крупной миграционной волны в немецкой послевоенной истории. И, наконец, в романе затрагивается вопрос миграции в современной Германии, которая в силу динамичного экономического развития стала привлекательной страной для иностранных граждан. Эта линия лишь намечена в произведении и связана с Паулем, сыном Бернхарда Хабера.

Все изложенные события Хайн обрамляет повествовательной рамой: роман открывается и закрывается описанием карнавала с его праздничными шествиями, переодеваниями, суетой, шумом и весельем. Благодаря раме писателю удастся привлечь внимание читателя, заинтриговать его, ведь атмосфера

³ Осси (нем. Ossi, от нем. Ost – восток) – термин, употреблявшийся для обозначения жителей Восточного Берлина и ГДР в целом. Понятие не ушло из обиходной речи и после объединения Германии, имеет, как правило, негативную окраску и отражает устойчивые стереотипы «западников» в отношении «восточников».

⁴ Весси (нем. Wessi, от нем. Westen – запад) – термин, использовавшийся до объединения Германии для обозначения жителей Западного Берлина. В настоящее время понятие «весси» закрепилось для общего обозначения жителей земель, входивших ранее в состав ФРГ.

⁵ Имя главного героя, как и название романа, имеет символический характер. Заглавие восходит к глаголу «nehmen» (брать), а фамилия – к существительному «Habe» (имущество, собственность) либо глаголу «haben» (иметь).

праздника и озорства, царящая во время карнавала, выглядит как диссонанс на фоне истории о нелегкой жизни мигрантов. Другой функцией, которую выполняет рама в повествовании⁶, является стремление Хайна убедить читателя в достоверности рассказанного. Показывая процессии ряженых, выход короля дураков к толпе на городской площади, писатель дает возможность оказаться в ситуации, в которую ежегодно окунается Германия на исходе зимы и которая хорошо знакома с детства каждому немцу. На типичность происходящего указывает и место действия. Это вымышленный городок Гульденберг, жизнь которого Хайн впервые ярко описал еще в романе «Смерть Хорна» (*Horns Ende*, 1985) [8].

Говоря о сущности карнавала как праздника в феодальную эпоху, М.М. Бахтин отмечает: «... на карнавале все считались равными. Здесь – на карнавальном пространстве – господствовала особая форма вольного фамильярного контакта между людьми, разделенными в обычной <...> жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, служебного, семейного и возрастного положения» [9, с. 15]. Все сказанное в полной мере относится и к современным карнавалам. Таким образом, время действия в повествовательной раме романа «Захват земли» приобретает символическое значение. Карнавал выступает символом отмены социальных условностей и иерархичности, отказа от разделения общества на «своих» и «чужих», пусть даже и на короткое время.

Основу повествования образует история Бернхарда Хабера, которая представлена глазами пяти рассказчиков. Следует отметить, что такой же художественный прием Хайн использовал и в упомянутом ранее романе «Смерть Хорна». Говоря об особенностях повествовательной техники в «Смерти Хорна», И.В. Гладков пишет, что роман является собой «сложное калейдоскопическое переплетение не связанных линейно фрагментов – воспоминаний пяти рассказчиков с различным жизненным опытом, различным мышлением» [10, с. 81]. От лица главного героя повествование не ведется. В «Захвате земли» Хайн остается верен избранному принципу. Последовательно сменяя друг друга, рассказчиками в романе становятся Томас Николас (одноклассник Бернхарда, который вспоминает о появлении странного новичка в школе и о попытках Хаберов начать новую жизнь в Гульденберге), Марион Демутц (соседка Бернхарда по парте и его первая юношеская любовь), Петер Коллер (одноклассник Бернхарда, вместе с которым главный герой вступает в конфликт с законом), Катарина Холленбах (случайная любовница Бернхарда, ставшая позднее его свояченицей) и Зигурд Китцеро (владелец лесопильного завода и друг Хабера).

Возникает закономерный вопрос: почему Хайн выбирает вновь местом действия Гульденберг и возвращается к использованной ранее повествовательной технике? Причин тому может быть несколько. Во-первых, временем и местом действия в обоих романах становится ГДР как историческая эпоха и как государство с определенным политическим курсом. Во-вторых, сходство прослеживается и в главных героях. У. Мэрц справедливо отмечает, что «в творчестве Кристофа Хайна есть изначально мотив, к которому он возвращается снова и снова: незабытая обида, мотив травмы» [11]. Действительно, этот мотив присутствует в «Акомпаниаторе», «Чужом друге», «Вилленброке», в романах «Сад в его раннем детстве» и «Госпожа Паула Труссо». В «Смерти Хорна» и «Захвате земли» мотив психологической травмы реализуется на примере ярких индивидуалистов, которые остро ощущают свое одиночество, несут на себе груз прошлого и воспринимаются местными жителями как чужаки. Бернхард Хабер, например, на протяжении всего повествования остается крайне неразговорчивым человеком, который редко высказывает свое мнение о других и еще реже говорит о самом себе. Его ответы в беседах с учителями, одноклассниками и другими знакомыми редуцируются до фраз «да», «нет», «не знаю», «возможно», «не хочу», «хмммм». Таким образом, представляется вполне естественным, что труд рассказать его историю возлагается автором на людей, вступающих с ним в контакт. Помимо этого, появление нового персонажа-рассказчика знаменует собой новый этап в жизни Хабера и обусловлено стремлением Хайна раскрыть образ главного героя в динамике и с наибольшей полнотой.

Эти сходства, однако, не означают, что писатель «перепевает» старые темы на новый лад. Если в «Смерти Хорна» осмысливается ГДР-вское прошлое и настоящее, то в «Захвате земли» в фокус внимания попадает гораздо более длительный отрезок времени, который охватывает свыше 50 лет и включает все эпохальные изменения в немецкой истории второй половины XX столетия. Зигзаги судьбы заставляют Бернхарда Хабера пережить крайнюю бедность и достичь благосостояния, познать враждебность окружающих и пройти тернистый путь к признанию, родиться во времена национал-социализма, вырасти в ГДР и стать уважаемым гражданином в объединенной Германии. Таким образом, Хайн наряду с Т. Бруссигом, Г. Грассом, М. Марон и другими писателями внес вклад в создание новой разновидности немецкого романа, в основе которого лежит тема восстановления единства страны (*Wenderoman*).

Томас Николас, которому выпадает право быть первым рассказчиком⁷, освещает вопрос принудительной депортации немцев в 1945–1950 годах. «Гигантским переселением народов с востока на запад»

⁶ Подробнее о функциях повествовательной рамы см., например, работы Б.А. Успенского [6], В.В. Меняйло и Н.А. Туляковой [7].

⁷ Томас, сын аптекаря, является одним из рассказчиков и в романе «Смерть Хорна».

[12, S. 244] назвал этот процесс К. Хаббе⁸. Следует отметить, что значительная часть беженцев стремилась осесть в Восточной Германии. В статье «Государственный враг "переселенец"» М. Шварцц описывает реакцию министра внутренних дел земли Саксония Курта Фишера, который сравнил миллионные потоки мигрантов с «полчищами саранчи», атакующими свою малую часть Германии, буквально «наводняющими» ее [13, S. 224]. Прибытие все новых и новых беженцев вселяло опасения и у властей, и у местных жителей, потому что те «были дополнительными конкурентами в приобретении дефицитных товаров, кроме того, они со своими постоянными требованиями, казалось, покушались на имущество местных жителей, уцелевшее во время войны» [13, S. 225]. Мучительный процесс интеграции переселенцев Хайн показывает на примере одной конкретной семьи. В романе говорится, что проблемы в отношениях возникают с самого начала, ведь прибытие мигрантов не просто нарушало привычный уклад жизни, а заставляло уплотняться в квартирах и домах, повышало безработицу и ставило под угрозу и без того зыбкое благополучие местного населения.

В мирное время отец Бернхарда был столяром, но на войне он лишился руки и, приехав в Гульденберг, долго не мог найти из-за инвалидности работу. Однако главная причина невезений Хабера заключалась в другом: «его ампутированная рука напоминала всем жителям о поражении и унижительном подчинении одержавшим победу союзникам»⁹ [14, S. 24], он был чужаком, которого сюда никто не звал.

Мигранты именуется в Гульденберге «изгнанниками» (*Vertriebene*), «чужаками» (*Fremde*), «непрошенными гостями» (*ungebetene Gäste*), «пшеками» (*Polacken*), «вторыми русскими» (*die anderen Russen*), которые «не лучше цыган» (*nicht besser als die Zigeuner*) и не могут «считаться настоящими немцами» (*galten nicht als richtige Deutsche*) [14, S. 35–37]. Отрицательное отношение к переселенцам отражается не только в словах, но и в поступках гульденбержцев. Так, кто-то учинил пожар в старом амбаре, где Хабер в попытке встать на ноги с большим трудом открыл столярную мастерскую. Сначала он убеждает пожарных тушить как можно скорее пламя, затем ругает их за бездействие, а в разговоре с прибывшими на место происшествия полицейскими обвиняет в поджоге всех жителей: «Возьмите на заметку весь город. Если вы хотите найти виновника, запишите Гульденберг» [14, S. 44]. Сами горожане равнодушно взирают на постигшее Хабера несчастье: одни тайно злорадствуют, для других это просто свежая тема для обсуждения. Отношение Гульденберга лучше всего выражено в словах аптекаря, отца Томаса Николаса: «Этот Хабер потерял сейчас все во второй раз. Город не хочет принять его, тут уж ничего не поделаешь» [14, S. 48]. Дальнейшее разбирательство подтвердило версию о поджоге, но преступник так и не был найден.

Думается, Хайн не случайно избирает для Хаберов профессию столяра, ведь при всей точности, лаконичности, порой даже сухости повествовательной манеры, особенно когда речь идет о специфических вопросах¹⁰, писатель всегда тяготеет к символическим обобщениям. В романе отец, а затем и сын постоянно имеют дело с деревом, за Бернхардом даже закрепляется кличка «древесный червь» (*Holzworm*). Более того, судьбу старшего и младшего Хабера можно обобщенно представить посредством пословиц: «Старое дерево не пересаживай» (*Einen alten Baum soll man nicht verpflanzen*), «Дерево выпрямляют, когда оно молодое» (*Den Baum muss man biegen, weil er jung ist*). Отец Бернхарда «почти магическим образом притягивал к себе несчастья» [14, S. 365] и за десятилетия жизни в Гульденберге так и не стал его составной частью. Удушение (как показало следствие, насильственное) и последний приют на кладбище среди могил самоубийц были печальным итогом попыток обрести утраченную родину. Там же через два года похоронили и мать, ведь «она была переселенкой, в случае с ними это не имело никакого значения» [14, S. 326]. Рассуждая об участии родителей, Бернхард вспоминает о строительстве зданий на земле, политой кровью невинных, и говорит: «Возможно, сперва понадобилась кровь моего отца, моего невинного отца, чтобы я стал здесь своим, чтобы меня признали» [14, S. 367].

В ходе повествования психологический портрет Бернхарда обрастает новыми деталями и получает рельефность. Томас Николас характеризует его как нелюдима, отсекающего всякие попытки начать общение, и гордого человека, умеющего постоять за себя благодаря крепкому телосложению. В учебе Бернхард проявляет себя тугодумом, который был не в состоянии выучить что-нибудь наизусть, но за соблюдение дисциплины каждый раз из жалости переводился в другой класс. Учителя считали, что знания парню в жизни не понадобятся, так как он будет заниматься лишь грубой физической работой.

В рассказе Марион Демутц Бернхард тоже предстает отстающим учеником, но его характер дополняется такими качествами как постоянство и верность. Свою любовь он дарит единицам, но любит искренне и глубоко. В период дружбы с Марион проявляется мстительность Бернхарда, которая маски-

⁸ По данным К. Хаббе, вплоть до 1970 г. ФРГ приняла около 10 миллионов восточных переселенцев. На территории ГДР разместилось около 4,5 миллионов депортированных немцев [12, S. 246].

⁹ Здесь и далее перевод цитат из романа «Захват земли» мой. – Т.Г.

¹⁰ Строительство моста в «Захвате земли», торговля подержанными автомобилями в «Вилленброке» или расследование обстоятельств гибели в романе «Сад в его раннем детстве» описываются Хайном подробно, точно и тщательно, так что стиль его уподобляется инструкции по применению.

руется интересом к политике и желанием принять участие в коллективизации. На самом деле политика является для парня предлогом поквитаться с гульденбержцами за давние обиды. Он мстит таким образом всем, кто мог быть причастен к поджогу столярной мастерской и убийству его любимого пса.

Из рассказа Петера Коллера выясняется, что в отличие от своего отца Бернхард готов пойти для собственного блага на нарушение закона. Сначала группа подростков крадет вещи из автомобиля, а через некоторое время Бернхард и Петер совершают дерзкий налет на имущество строителей моста через реку Мульде. В воспоминаниях Коллера автор также отражает один из самых драматических периодов в истории послевоенной Германии – возведение Берлинской стены и связанное с этим нелегальное передвижение через границу. Занимаясь тайной перевозкой людей за деньги из ГДР в Западную Германию, главный герой преследует одну цель – во что бы то ни стало покончить с бедностью. Хайн не столько обвиняет его в меркантильности, сколько дает понять, что в существующих условиях Хабер не может осуществить свою мечту, продолжая дело отца и полагаясь только на честный труд. В глазах местного населения он является захватчиком их земли, которому нужно во что бы то ни было помешать, а потому Бернхард должен рискнуть, действовать расчетливо и без сантиментов.

Сколотив начальный капитал, Хабер возвращается в Гульденберг и начинает повторное покорение города. В процессе интеграции значительное место теперь отводится женщинам. По мнению Катарины Холленбах и ее сестры Рики, Бернхард обладал совершенно особой энергетикой: «Он источал аромат силы и решительности. Так, по всей вероятности, пахнет вулкан перед извержением» [14, S. 284]. Хабер точно знал, чего хочет и как достичь желаемого. Помешать главному герою могла лишь одна слабость, которой он поддался, – Бабси, заворожившая Гульденберг, словно праздничный фейерверк.

В романе есть два эпизода, которым придается особое значение. Первым из них является строительство моста, который был взорван перед приходом американских войск, затем кое-как восстановлен русскими солдатами, но который не выдержал ледяных заторов в конце зимы. Обновление моста символизирует собой преодоление границ, образовавшихся в ходе войны. Второй эпизод связан с полетом Бернхарда и Бабси на воздушном шаре. Это другое – вертикальное – преодоление заданных человеку пределов. Именно в сцене полета определяется истинная натура его участников: девушка упивается парением на высоте, молодой человек весь деревенеет. Его неспособность действовать дает основание Манолову, управлявшему воздушным шаром, высказать в разговоре с Бабси нелюбимое суждение о Бернхарде: «Воздух не его стихия, девочка. Сущность мужчины проявляется лишь в воздухе, в горах или на войне. С тобой я поднимаюсь еще раз вверх, малышка, но к тому времени обзаведись настоящим парнем» [14, S. 312]. Данный эпизод показывает, что счастье главного героя является очень приземленным, он не стремится ввысь, а наоборот хочет прочно укорениться. Этим желанием продиктован выбор спутницы жизни, которая не принадлежала к вынужденным переселенцам, но зато происходила из бедной сельской семьи. Бернхард женится, строит солидный дом, обзаводится детьми и получает «мещанское счастье, о котором мечтал» [14, S. 322].

Остается лишь последний шаг – войти в круг влиятельных граждан Гульденберга и одержать таким образом окончательную победу над городом. Об этом периоде жизни главного героя рассказывает Зигурд Китцерофф. Именно он почувствовал в простом парне хладнокровие, «силу и умение добиваться своего» [14, S. 329] и убедил членов кегельного клуба, своеобразного центра по определению негласной политики в Гульденберге, принять в свой состав Хабера. Действия главного героя увенчались успехом и заставили всех признать, что «он влился в среду, что он гульденбержец [14, S. 340].

По иронии судьбы собственный сын Бернхарда избил выходцев из Фиджи только за то, что те пришли на карнавал. Он заявляет отцу: «Карнавал – немецкий праздник. Что им здесь искать? Кто их звал? Не я» [14, S. 379]. Хайн показывает, что выросший в Гульденберге Пауль свободен от кризиса идентичности, ведь прошлое отца и деда стало достоянием истории, никто не вешает на него ярлык непрошеного гостя, а он, как истинный гульденбержец, лишен толерантности к мигрантам и открыто высказывает им свою неприязнь.

Таким образом, автор романа «Захват земли» стремится обозначить актуальную для своей страны тему и продемонстрировать, что большая история запечатлевается в малых судьбах, что через малые судьбы она и познается. В произведении обозначены трудности, с которыми сталкивается современное немецкое общество по отношению к мигрантам, раскалываясь на три категории граждан: соперничающие мигрантам, выступающие против них и занимающие нейтральную позицию. Хайн показывает, что проблема миграции пронизывает насквозь исторический процесс в Германии, оказывая влияние и на немецкий менталитет. Видимо, это обстоятельство и побудило Ё. Магенау, обозревателя влиятельной газеты «die tageszeitung», назвать «Захват земли» «романом о Германии», причем романом с большой буквы (*der große Deutschlandroman*) [15].

Выводы. «Захват земли» К. Хайна является романом, где на примере одной семьи прослеживается проблема вынужденной миграции в контексте трех эпох: после окончания Второй мировой войны, в период существования ГДР и ФРГ, в современной Германии после ее воссоединения. Судьба Бернхарда Хабера представлена пятью рассказчиками, что позволяет писателю во всей полноте передать характер главного героя, создать в повествовании сложную психологическую канву, осмыслить положение переселенцев с позиций разного жизненного опыта и мышления, вовлечь частный случай в колесо большой

истории. Поднимая злободневные для Германии вопросы, К. Хайн остается верен своему литературному амплу – ангажированный писатель, «сейсмограф» общества.

Основной художественный конфликт романа разворачивается в рамках оппозиции «свой» – «чужой» и связан с миграцией как историческим, национальным и межкультурным явлением. В произведении показано, что мигранты отгесняются в новой социальной среде на периферию, их интеграция является сложным процессом, сопровождается кризисом идентичности и происходит на протяжении нескольких поколений.

Роман создан в реалистической манере письма, которой присущи языковая точность, лаконичность, внимание к деталям. В композиции произведения весомая роль отводится повествовательной раме, которая привлекает внимание читателя, обеспечивает эффект достоверности и имеет символическое значение. Благодаря литературному монтажу, присутствию топонимики, мотивов и персонажей из своего более раннего романа «Смерть Хорна» К. Хайн включает «Захват земли» в надтекстовый диалог на композиционном и идейном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schmitz, W. Literatur "zwischen den Staaten". Deutsch-deutsche Exilerfahrung nach 1945 / W. Schmitz // Deutsch-deutsches Literaturexil. Schriftstellerinnen und Schriftsteller aus der DDR in der Bundesrepublik ; hrsg. von W. Schmitz, J. Bernig. – Dresden, 2009. – S. 15–106.
2. Hein, C. Chronist ohne Botschaft / C. Hein. – Berlin; Weimar : Aufbau-Verlag, 1992. – 315 S.
3. Hein, C. Die Zeit, die nicht vergehen kann oder Das Dilemma des Chronisten. Gedanken zum Historikerstreit anlässlich zweier deutscher vierzigster Jahrestage / C. Hein // Hein, C. Die Mauern von Jerichow: Essays und Reden / C. Hein. – Berlin : Aufbau Taschenbuch Verlag, 1996. – S. 9–40.
4. Gwosc, D. „...unstrittig ist die Schädlichkeit der Literatur und des Lesens“ Der Publizist und der Redner Christoph Hein / D. Gwosc // German monitor: Christoph Hein in perspektive. – Amsterdam – Atlanta : Rodopi, 2000. – S. 7–20.
5. Hein, C. Interview „Es wird eine Armut geben, die Empörung auslöst“ am 09.04.2004 [Электронный ресурс] / C. Hein // Spiegel Online Kultur. – 2011. – Режим доступа: www.spiegel.de/kultur/literatur/0,1518,294606,00.html. – Дата доступа: 23.03.2011.
6. Успенский, Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 348 с.
7. Меняйло, В.В. Функции повествовательной рамы в цикле Legends of the Province Натаниэля Готорна / В.В. Меняйло, Н.А. Тулякова // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : сб. науч. статей / науч. ред. И.Ю. Щемелева. – СПб., 2014. – Вып. 6. – С. 165–176.
8. Хайн, К. Смерть Хорна / К. Хайн ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Известия, 1989. – 224 с.
9. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Худож. лит., 1990. – 543 с.
10. Гладков, И.В. Проза Кристофа Хайна в контексте немецкой литературы последней четверти XX века / И.В. Гладков. – М. – Новополюк, 2002. – 144 с.
11. März, U. Ein prächtiger Außenseiter [Электронный ресурс] / U. März // ZEIT ONLINE. – 2004. – Режим доступа: <http://www.zeit.de/2004/06/L-Hein>. – Дата доступа: 29.05.2016.
12. Habbe, C. Der zweite lange Marsch / C. Habbe // Die Flucht. Über die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten ; hrsg. von S. Aust, S. Burgdorff. – Bonn, 2005. – S. 244–255.
13. Schwartz, M. Staatsfeind „Umsiedler“ / M. Schwartz // Die Flucht. Über die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten ; hrsg. von S. Aust, S. Burgdorff. – Bonn, 2005. – S. 224–234.
14. Hein, C. Landnahme/ C. Hein. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2004. – 383 S.
15. Magenau, J. Die mentale Hauptstadt der DDR [Электронный ресурс] / J. Magenau // taz.die tageszeitung. – 2004. – Режим доступа: <http://www.taz.de/1/archiv/?dig=2004/01/24/a0176>. – Дата доступа: 28.05.2016.

Поступила 20.07.2016

UNDERSTANDING OF FORCED MIGRATION IN THE SETTLEMENT OF C. HEIN

T. HARDZIAYONAK, K. KUZNECHYK

Fictional peculiarity of C. Hein's historical prose on the example of the novel 'Settlement' (Landnahme) is studied. The main fictional conflict is connected with the problem of forced migration (as a historical, national and cross cultural phenomenon) which is analysed in the context of three crucial events in German history after 1945. Comprehension of the refugees' state in connection with the opposition of 'friend' and 'foe' enables C. Hein to raise complicated human questions, to find some connections between the past and the present. The novel is created in the realistic manner. The narrative structure combines five short stories. It provides the effect of credibility and has a symbolic meaning. Recurrent motifs, images and literary principles allow the writer to widen novel fictional space on the narrative and notional levels.

Keywords: German literature after 1945, history of Germany, forced migration, opposition «own» – «strange», integration.